

215

Иван Бунин. Том первый. Рассказы. Изд. 3-е. Стр. 286. С.- Пб. 1904. Цена 1 руб.– **Том второй. Стихотворения.** 1889 – 1902. Изд. второе с портретом. С.- Пб. 1909. Стр. 197. Цена 1 руб.– **Том третий. Стихотворения.** 1903 – 1906. С.- Пб. 1906. Стр. 214. Цена 1 руб.– **Том четвертый. Стихотворения.** 1907 г. С.- Пб. 1908. Стр. 249. Цена 1 руб.– **Том пятый. Рассказы.** С.- Пб. 1909. Стр. 233. Цена 1 руб.¹

И. А. Бунин, не раз бывший лавреатом нашей Академии Наук, избран недавно в число ее почетных академиков². Это очень даровитый писатель, и в его творчестве можно найти все черты писателя хороших тургеневских традиций. Бунин любит русскую природу и нашу старину в окраске отжившей помещичьей культуры: он в меру модернист, при этом не совсем чужд даже классицизма и слегка экзотичен, а мистицизм его не тревожит угрюмым колоритом творений Леонида Андреева. Кроме того, в изданных ныне товариществом «Знание» томах Бунина есть его прекрасные переводы с английского³. Бунин очень гладкими, а порою и музыкальными стихами передал знаменитую мистерию Байрона и, хотя перевод его несколько далее от подлинника, чем образцовый по добросовестности своей перевод той же драмы покойного П. А. Каленова⁴, но «Каин» Бунина читается легко, и местами в нем чувствуется, что концепция поэта разрабатывалась, действительно, не переводчиком только, но и поэтом. Так, нам особенно понравился третий акт (его первая сцена – Ады с Каином около ребенка – передана превосходно; Бунин избег амплификаций – вот его заслуга).

Проза г. Бунина кажется мне все же более интересной, чем его стихи. Первая книга бунинских рассказов уже в 1904 году вышла третьим изданием. Она состоит из небольших, тепло и живо написанных рассказов, где даже довольно рискованные темы (например, рассказ «Осенью»⁵, 1, 25 слл. об адюльтере в окрестностях Одессы) разработаны изящно и без всяких гривуазных подробностей. Более всего в этом томе удалось, по-моему, г. Бунину рассказы из зимней деревенской жизни. Таков, например, эскиз «Байбаки»⁶ (I, 43 слл.) с изображением бывших людей, но в таких мягких, идиллических красках, что никому и в голову не придет, при чтении этой идиллии, искать в ней какого-то жгучего протеста, угрозы или даже проклятых вопросов. Два старика – обнищавший дворянин и бывший дворовый – в разоренном домишке захолустного именища проводят вечер перед Рождеством. И столько в этой их мизерной

болтовне, в треньканы гитары, в растапливаньи печки стулом и даже старом лиризме песни

Раз в незабвенную жизни минуту,
Раз я увидел создание одно,-⁷

столько во всем этом чего-то подлинного, не надуманного, глубоко поэтического в самой концепции, что рассказ, несмотря на ничтожность темы и отсутствие всяких претензий на ее психологическую разработку, кажется прямо-таки превосходным.

Самая большая вещь в 1-м сборнике «Тарантелла»⁸ – грустная повесть о том, как оскандалился молодой сельский учитель на вечеринке у местного дворянина Линтварева, и потом – что называется – “закурил” (стр. 119 сл.). Много здесь прекрасно подмеченных деталей, и вообще автор в своей сфере, пока он рисует среду простую или опростелую, – но чинные дворяне вышли у него немножко картонными: они все стараются говорить поумнее и вести себя тонко, но здесь мы уже чувствуем, что перед нами более не писатель тургеневской культуры. Есть в рассказе и кое-какие несообразности: например, гости разговаривают между собой об игре Заньковецкой⁹ и кто-то играет сонату Грига¹⁰, а герой рассказа все еще читает данную ему товарищем книжку «Современника». Когда же прѣисходит самый рассказ?...

Второй и третий том сочинений Ив. Бунина посвящен стихам. Стихом владеет автор очень хорошо, и некоторые пьесы, особенно в третьем сборнике, выдаются своими поэтическими достоинствами. Здесь г. Бунин, впрочем, уже вовсе не модернист. Он ничего не ищет. За него все нашел Пушкин, и в освященных его гением ритмах новый стихотворец лишь умещает то, что на нашем языке так неточно называется его “вдохновением”. Более всего из бунинской лирики известен его красиво написанный листопад.

Лес точно терем расписной, –
Лиловый, золотой, багряный, –
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной и т<ак> д<алее> (II, 3 сл.)¹¹.

Чувство природы и красоты у г. Бунина тесно связано с средней полосой России, откуда он так живо и тепло передает нам унылость полей и дорог, долгие белые зимы, впечатления охотника и, главное, тоску доживаний по заметенным снегами хуторам. Но не свое – самого Ив. Бунина, или по крайней мере нас, его читателей, как-то мало впечатляет.

Напрасно, например, вы искали бы чего-нибудь характерного южно-бережного в его «Учан-Су»¹² (II, стр. 92). Напишите сверху Ву-

окса, или еще какое-нибудь нерусское название, и едва ли кто заметит перемену названия.

Лиризм г. Бунина трогает нас, когда он у себя в своей сфере: см<отри,> например, «На хуторе» (II, 111), Дома (III, 60 сл.) и особенно прелестную пьеску «В лесу» (III, 71):

В лесу, в горе – родник, живой и звонкий,
Над родничком – старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике – березовый корец.
Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковчик белый...
Смирненные родимые черты!

К сожалению, г. Бунин любит экзотизм и даже классический миф, и в стихах у него много тем, далеко выходящих за предел его переживаний, например, Эльбурс¹³ (III, 155 сл.) или Атлант¹⁴ (III, 157 сл.).

Стихотворное новшество Бунина – единственное, которое я, по крайней мере, вижу – терцины без рифм (III, 153 сл.) – во всяком случае не оправдано тем опытом, который сделал поэт, передав пятистопным ямбом начало Апокалипсиса¹⁵.

Г. Бунин обладает счастливой способностью придавать грацию темам, которые так легко могли бы получить у другого пошло-ватую окраску: например, конец пьесы «Одиночество» положительно удался поэту:

Мне крикнуть хотелось во след:
"Воротись – я сроднился с тобой!"
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой.
Что ж! Камия затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить (III, 18).

Колоритна у него и пьеса «Сапсан»¹⁶ (III, 11 сл.), своей задушевностью выделяется стихотворение Судра (III, 103)

Умершие оставили одежды –
Их носит бедный Судра. Так и мне
Оставит жизнь не радость и надежды,
А только скорбь о старине.

Символ выбран удачно, и точно: в отношениях г. Бунина к русской жизни и даже той природе, которая окружает эту жизнь, есть злегичность элигона: из могилы растут трогательные, но не видные и чахлые маргаритки. Каины и Гайяваты¹⁷, все это уже что-то вторичное, наносное, не свое.

В пятом томе помещен, во-первых, очерк, посвященный Чехову¹⁸, любопытный по некоторым литературным отзывам покойного писателя (напр<имер>, о гр. Ал. К. Толстом¹⁹).

Дальше идет большой рассказ «Сны»²⁰, но лучше всех в сборнике «Астма»²¹, где с большой силой Ив. Бунин изображает тяжелую болезнь одного землемера на фоне августовских картин природы в средней полосе России. Сильное впечатление производит ночной кошмар землемера, который среди лунного пейзажа видит символ своей смерти в виде какой-то мертвой нищенки на телеге (стр. 77 сл.)²².

Половина тома занята путевыми картинами из поездки автора в Константинополь и в Египет²³.

Конечно, и здесь наблюдательный писатель дает очень живые картины. Но все эти путешествия с их историческими и литературными экскурсами в пределах книг Бэдекера²⁴ и Грельфельса в общем до того наскучили, что и талант Ив. Бунина в этой области уже отнюдь не выигрывает. Я не понимаю также, с какой стати дважды он повторяет ничем не замечательный стих Овидия²⁵; римлянину, конечно, не всегда легко было среди обилия долгот латинской речи подыскивать дактили, а Овидий был на это великий мастер, но к жанру Бунина все же как-то мало идет дешевая эрудиция латинских цитат. Замечу мимоходом, что и цитата из пьесы Леконта де Лиль²⁶ неестественно звучит в устах Бунина и по отношению к Чехову – ни тот, ни другой не являются людьми старой культуры и порождаемого ею "horreur d'être un homme"*. Но все это мелочи.

Я думаю, что Ученый Комитет поступит совершенно справедливо, если, приняв во внимание, что книги Ив. Бунина, написанные с глубокой любовью к русской природе, с художественным тактом и сверх того хорошим русским языком, да к тому же заключающие еще прекрасный перевод классических произведений Байрона Теннисона²⁷, будут рекомендованы особому вниманию педагогических советов для пополнения ими библиотек старших классов средних учебных заведений.

¹ Автограф рецензии не разыскан. Печатается по тексту машинописной копии доклада, сохранившейся в РГИА (Ф. 733. Оп. 196. № 305. Л. 133 – 137). За исключением последнего абзаца она была опубликована (ЖМНП, ис. 1910. Ч. XXV. Февраль. Паг. 3. С. 233 – 237. Подпись: *И. Анненский*). Доклад был прочитан в заседании ООУК 9 ноября 1909 г. (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 122. Л. 1300 – 1301).

* Ужаса бытия человека (фр.).

Бунин Иван Алексеевич (1870 – 1953) – прозаик, поэт, переводчик. Между Анненским и Буниным, "страстным, исключительным поклонником" которого называл своего сына, В. И. Анненского, рецензент (см.: КО. С. 369), не было сколько-нибудь близких человеческих и литературных отношений.

Как свидетельствовал Адамович, "Иннокентия Анненского он <Бунин. – А. Ч.> знал очень мало, как, впрочем, проглядели Анненского почти все его сверстники.

Бунин рассказывал о единственной своей встрече с Анненским в Крыму:

– Сидел на террасе с пледом на ногах, читал что-то французское. Кажется, кроме "здравствуйте" и "до свидания", мы ничего друг другу и не сказали... Вы что, действительно думаете, что это был замечательный поэт, или так, больше оригинальничаете?" (Адамович Г. В. Бунин: Воспоминания / Публ. А. Бабореко // Знамя. 1988. № 4. С. 185).

Литература о личных и литературных взаимоотношениях Анненского и Бунина не отличается богатством (здесь могут быть упомянуты, пожалуй, лишь следующие работы: Гофман Виктор. [Рец.] // Новый журнал для всех. 1910. № 21. С. 21. Рец. на кн.: Анненский И. Ф. Кипарисовый ларец. М., 1910; Катаев Валентин. Трава забвения // Новый мир. 1967. № 3. С. 121; Смирнов Н. Бунин в борьбе за реализм // Литературная Россия. 1970. № 43. 23 окт. С. 10; Долгополов А. Судьба Бунина // Вопросы литературы. 1975. № 1. С. 95; Нефедов В. В. Поэзия Ивана Бунина: Этюды. Минск: Вышэйшая школа, 1975. С. 30, 113 – 114; Тименчик Р. И. Ф. Анненский; И. А. Бунин: [Аннотация грампластинки]. М.: Мелодия, 1983. С. 2 обл. (Страницы русской поэзии XVIII – XX вв.); Нефедов В. В. Чудесный призрак: Бунин-художник. Минск: Польшья, 1990. С. 47 – 48, 63, 160 – 161, 232 – 233; *Ljunggren Anna. At the Crossroads of Russian Modernism: Studies in Innokentij Annenskij's Poetics.* Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1997. P. 111 – 115. (Acta Universitatis Stockholmiensis; Stockholm Studies in Russian Literature; 32)).

Концепция публикуемой рецензии в значительной степени взаимосвязана с суждением о Буине из статьи «О современном лиризме», написанной также осенью 1909 г.: "Жанр дается немногим, но это одно из серьезных орудий культуры в сфере искусства. Я не буду говорить о жанре и пейзаже у Бунина. Кто не знает его превосходного «Листопада», в свое время отмеченного и высоко авторитетной критикой? Но, по-моему, поэзия лауреата даже непонятна без анализа его часто отличной прозы. Да, пожалуй что Бунин уж и перерос свою ритмическую лирику" (КО. С. 369).

Рецензируемое «Собрание сочинений» было издано Товариществом «Знание».

² В 1903 г. Бунин был удостоен половинной Пушкинской премии ИАН за сборник стихотворений «Листопад» (1901) и перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (1896), а в 1909 г. такую же оценку ИАН заслужили бунинские «Стихотворения 1903 – 1906 гг.» и его переводы из Байрона и Лонгфелло («Каин» и «Из золотой легенды»). В том же 1909 г. Бунин был избран почетным академиком ИАН.

³ В IV томе помещены переводы поэмы Теннисона «Годива» (С. 81 – 84), «Из золотой легенды» Лонгфелло (С. 85 – 92) и мистерии Байрона «Каин» (С. 95 – 249).

⁴ *Каленов Петр Александрович* (1839 – 1900) – поэт, переводчик, эстетик, педагог.

Его перевод байроновского «Каина» вышел в свет отдельным изданием в Москве в 1883 г.

⁵ Впервые этот «эскиз» был опубликован в первом номере журнала «Мир Божий» за 1902 г. Напомню, что именно в 1902 году Анненский наиболее активно сотрудничал с этим журналом (см.: Библиография. № 190, 361, 363).

⁶ Впоследствии этот рассказ печатался под заглавием «В поле».

⁷ С. 58. В тексте рассказа Буниным воспроизведен «старинный печальный романс» «Что ты замолок и сидишь одиноко...».

⁸ Впоследствии рассказ печатался под заглавием «Учитель».

⁹ *Заньковецкая* (настоящая фамилия *Адасовская*) *Мария Константиновна* (1860 – 1934) – украинская актриса и театральная деятельница. См. стр. 152.

¹⁰ *Григ (Grieg) Эдвард* (1843 – 1907) – норвежский композитор, пианист, дирижер и общественный деятель.

Речь в повести идет о его сонате «Peer Gynt» (см. стр. 155 – 156).

¹¹ Первые строки поэмы Бунина «Листопад».

¹² В основе образной системы стихотворения «Учан-Су» («Свежее, слаще воздух горный...») – изображение одноименного водопада, находящегося в Крыму, неподалеку от Ялты.

¹³ Речь идет о стихотворении «Эльбурс (Иранский миф)» («На льдах Эльбурса солнце всходит...»).

¹⁴ Речь идет о стихотворении «Атлант» («И долго, долго шли мы плоскогорьем...»).

¹⁵ Речь идет о стихотворении «Сын человеческий (Апокалипсис, 1)» («Я, Иоанн, ваш брат и соучастник...»)

¹⁶ «Сапсан (Зимняя поэма)» («В полях, далеко от усадьбы...») занимает в III томе стр. 9 – 14.

¹⁷ Речь идет о главном герое переведенной Буниным эпической поэмы в духе народного эпоса «Песнь о Гайавате», принадлежавшей перу американского поэта, прозаика, переводчика, филолога *Генри Уодсуорта Лонгфелло* (Longfellow) (1807 – 1882).

¹⁸ Очерк «Чехов» помещен на стр. 5 – 22 V тома.

¹⁹ Речь идет о следующем отзыве: «Послушайте, а стихи Алексея Толстого вы любите? Вот, по-моему, актер! Как надел в молодости оперный костюм, так на всю жизнь и остался» (С. 5). См. также: Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 1. С. 557 – 558.

Интерес Анненского к этой оценке может быть поставлен в связь с его концепцией поэтической личности, которая в изложении Маковского была представлена в следующем виде: "Анненский часто говорил молодым писателям, которыми был окружен в редакции «Аполлона»: "Первая задача поэта – выдумать себя". На этом парадоксе он настаивал..." (Маковский Сергей. Иннокентий Анненский: (по личным воспоминаниям) // Веретенко: Лит.-худож. альманах. Берлин, 1922. Кн. 1. С. 243).

²⁰ С. 25 – 34.

²¹ С. 61 – 102. Впоследствии эта повесть подверглась серьезной авторской правке, сокращению и печаталась под заглавием «Белая лошадь».

²² Речь идет о следующем фрагменте повести:

" – С нами крестная сила! – пробормотал землемер, с трудом переводя свистящее дыхание и опять натягивая возжи.

И опять огаянулся.

Увы, и белая лошадь пошла тише!

И, по-прежнему, выражение ее морды было спокойно, весело и ласково-вызывающе. <...>

Белая лошадь опять была в двух шагах от него!

Она как раз по следу тележки вбежала в воду – и почему-то остановилась. Остановилась и, бауясь, била воду тонкой ногой, поднимая белоснежную пену. Бледное, блестящее лицо луны плавало возле тележки слева, а сзади стояла красивая и страшная лошадь с темными человеческими глазами.

– Пропал я! – с радостным отчаянием подумал землемер и погнал на берег. <...>

Чтобы узнать, цела ли тренога, землемер еще раз взглянул назад и, к удивлению своему, лошади не увидел. Глянул влево, на скат голого косогора, глянул вправо, на прозрачную воду, бегущую по белым плитам, потом опять назад... Только широкий луг, весь, как светлым дымом, наполненный лунным сиянием! Но зато на дорогах тележки, скрестив длинные, тонкие ноги в разбитых лаптях и повернув к землемеру мертвое, беззубое лицо, наполовину освещенное луною, сидит и смотрит круглыми глазами нищенка. И землемер, увидав ее, яскнул зубами и силно засмеялся бессмысленным смехом.

– Хороша! – сказал он. – Красива! Ты смерть, что ли?

Нищенка молчала.

– Молчишь? – сказал землемер. – Значит, это правда?

Нищенка молчала и смотрела ему в лицо неподвижными глазами, положив левую руку – большую, костлявую, лиловатую от загара, на привязанную к сиденью треногу.

И землемер задумался.

– Нашла с кем шутки шутить! – сказал он горько. – Или мало тебе, что ты всю жизнь издевалась надо мною?

И вдруг почувствовал такую острую боль горя и обиды, что, не помня себя, взмахнул кнутовищем. Сладкие слезы злобы сдавили его горло, но, как только он взмахнул кнутовищем, старуха точно растаяла в воздухе. И внезапно опять зазвенел где-то в небе тонкий, радостно-хищный смех какой-то ночной птицы:

– Пи, пи, пи, пи!

И замирая, затерялся над лугами...

Землемер пришел в себя и медленно перекрестился" (С. 77 – 79).

²³ Речь идет об очерках «Тень птицы» (С. 129 – 175) и «Зодиакальный свет» (С. 177 – 233).

Кроме упомянутых в тексте рецензии и в комментарии произведений, пятый том содержит рассказы «Золотое дно» (С. 35 – 44), «Счастье» (С. 103 – 112) и «Цифры» (С. 113 – 128).

²⁴ *Бедекер* (Baedeker) *Карл* (1801 – 1859) – немецкий издатель, автор многочисленных путеводителей, получивших его имя, так называемых "бедекеров".

²⁵ В «Тени птицы» Бунин, рассказывая о путешествии в Константинополь, дважды цитирует (С. 129, 134) стих Овидия "Quocumque adspicias nihil est nisi pontus et aer" ("Всюду, куда ни взгляни, – ничего, кроме моря и воздуха) («Скорбные элегии», кн. 1, элегия 2, ст. 23), мотивируя это невольными воспоминаниями о жалобах римского поэта "на сарматскую нелюдиность этих мест" (С. 129).

²⁶ Речь идет о финальных строках очерка, посвященного Чехову: "Умер он спокойно, без страданий... И когда умер, выражение счастья появилось на его сразу помолодевшем лице. Вспоминаются слова Л. де Лиля:

Moi, je t'envie, au fond du tombeau calme et noir,
D'être affranchi de vivre et de ne plus savoir
La honte de penser et l'horreur d'être un homme!" (С. 22)

Буниным процитированы здесь заключительные строки стихотворения Леконта де Лиль «Sur un poète mort», посвященного памяти Т. Готье и так охарактеризованного Анненским в статье «Леконт де Лиль и его «Эриинии»: "Но, может быть, и вообще в поэзии вы не так легко отыщете *равнодушие к жизни*, более чуждое прозе, чем в следующем сонете" (КО. С. 414).

Анненский впервые опубликовал свой перевод этого стихотворения (под заглавием «Над умершим поэтом») в 1904 г. Приведенные Буниным строки переведены им следующим образом:

Но я твоей, поэт, завидую судьбе:
Твой тих далекий дом, и не грозит тебе
Позора – понимать и ужаса – родиться.

²⁷ *Теннисон* (Tennyson) *Алфред* (1809 – 1892) – английский поэт, драматург.